

Фриман Эдуард

Методы изучения истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э27

Э27 **Эдуард Ф.**
Методы изучения истории / Фриман Эдуард – М.: Книга по Требованию, 2025. – 348 с.

ISBN 978-5-521-28725-3

ISBN 978-5-521-28725-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Несмотря на громадную популярность Фримана во всѣхъ странахъ Англо саксонской рѣчи, несмотря на то, что большинство современныхъ англійскихъ и американскихъ историковъ, притомъ наиболѣе знаменитыхъ, какъ напр. Гринъ или Фиске, признають его своимъ учителемъ или, по крайней мѣрѣ, руководителемъ въ дѣлѣ изученія исторіи, русскіе читатели знакомы съ Фриманомъ почти только по наслышкѣ; а съ его историко-философскими воззрѣніями у насъ знакомы чуть ли не одни спеціалисты историки. Изъ сочиненій Фримана у насъ переведены очень немногія.

Историческіе взгляды Фримана, его манера разсматривать событія всемірной исторіи съ исключительно политической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія развитія въ исторіи политическихъ формъ и ихъ преемственности, самое его опредѣленіе исторіи, какъ науки о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ—могутъ быть признаны односторонними и даже прямо невѣрными; и тѣмъ не менѣе глубина и оригинальность его историческихъ взглядовъ, громадная эрудиція и блестящее изложеніе заставляютъ даже людей, несогласныхъ съ нимъ во взглядахъ на сущность историческаго процесса, признать его работы глубоко поучительными и дѣлають его произведенія чрезвычайно интереснымъ чтеніемъ для всякаго интересующагося исторіей, какъ наукой общеобразовательной въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова.

Я выбралъ для перевода Оксфордскія лекціи Фримана, какъ наиболѣе, по моему мнѣнію, характерное для его манеры изложенія произведеніе. Фриманъ также, какъ и нашъ Гра-

новскій, былъ прежде всего профессоромъ и наибольшее вліяніе на умы имѣлъ именно, какъ профессоръ.

Ничѣмъ настолько нельзя почитать память истиннаго ученаго, какъ ознакомленіемъ по возможности большаго количества лицъ съ его воззрѣніями; я имѣлъ въ виду познакомить русскаго читателя, ищущаго въ историческихъ сочиненіяхъ часто забвенія и всегда поученія, съ однимъ изъ характернѣйшихъ произведеній одного изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ нашего вѣка, всегда бывшаго вѣрнымъ идеаламъ науки и общечеловѣческой правды и никогда не преклонявшагося, какъ преклонялись другіе, не менѣе знаменитые, историки, предъ торжествомъ грубой силы, никогда не забывавшаго, что единственное истинное призваніе чловѣка въ его исторической жизни есть прогрессъ и свобода.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эти лекціи съ присоединеніемъ къ нимъ вступительной лекціи предназначены служить введеніемъ къ изученію исторіи. Послѣ нихъ въ 1885-мъ году я читалъ лекціи о «Главныхъ періодахъ Европейской исторіи». Послѣ этихъ двухъ курсовъ въ октябрѣ 1885-го года я началъ читать болѣе подробный курсъ исторіи, начиная съ эпохи, указанной въ лекціяхъ о «Методахъ изученія исторіи» какъ начало спеціальнаго преподаванія профессора такъ-называемой «новой» исторіи. Эта эпоха — эпоха нашествія варваровъ въ Галлію въ 407 году, эпоха Тевтонскихъ поселеній въ западныхъ частяхъ Имперіи. Я хотѣлъ бы начать съ 776 года до Р. Х., а не съ 407 года послѣ Р. Х.; но, думается мнѣ, я избралъ самый удобный пунктъ отправленія для своего преподаванія, если ужъ такъ необходимо произвольное дѣленіе исторіи на періоды. Но я долженъ сказать, что все болѣе и болѣе ясно сознаю совершенную непригодность не естественныхъ подраздѣленій исторіи и филологіи на періоды, между которыми не имѣется какого-либо естественнаго отличія. Старость имѣетъ свои неудобства, но я съ каждымъ днемъ все живѣе и живѣе сознаю — и не одинъ я, а многіе изъ выдающихся людей, моихъ современниковъ — насколько я счастливъ, что провелъ свою молодость при старой системѣ преподаванія. Реформы 1849—1850 годовъ были преждевременны. Старая система нуждалась въ расширеніи и приспособленіи ея къ уровню современныхъ знаній; но принципы ея были здравыми. Экзамены по шестнадцати книгамъ въ концѣ четырехлѣтняго пребыванія студента въ университетѣ были дѣйствительною провѣркой его свѣдѣній; они не давали ему возможности забыть одинъ предметъ до начала изученія другаго. При старой системѣ преподаванія не дѣлалось попытокъ обучать исторіи или филологіи дальше извѣстнаго пункта, но при ней студентъ получалъ умственные навыки и привычки къ изученію, при помощи которыхъ онъ могъ продолжать свои занятія до какого угодно предѣла. Но вмѣсто того, чтобы расширить эту систему преподаванія такъ, чтобы она обнимала изученіе позднѣйшихъ эпохъ, эти послѣднія были выдѣ-

лены, какъ нѣчто особое отъ болѣе древнихъ, почти какъ нѣчто имъ противоположное. Оксфордскому профессору исторіи приходится бороться противъ подобнаго положенія дѣлъ, не говоря уже о другихъ препятствіяхъ его дѣятельности. Я не могу быть судьей того, одержалъ ли я побѣду въ началѣ своей борьбы.

Если нашей цѣлью должно быть здоровое изученіе, если мы должны пользоваться для университетскихъ занятій великими современными открытіями, мы должны вмѣсто безконечныхъ незначительныхъ преобразованій въ системѣ преподаванія приступить къ радикальной ея реформѣ. Нельзя жертвовать интересами науки неразумному увлеченію безконечными экзаменами. Вмѣсто болѣзненной погони за дипломами — бывшей слабой стороной старой системы и сдѣлавшейся еще болѣе усиленной при новой — намъ нужна такая провѣрка знаній студентовъ, при посредствѣ ли экзаменовъ или какънибудь иначе, чтобы степень кандидата (бакалавра) была достойной уваженія, и степень магистра почетной. Вмѣсто теперешнихъ неестественныхъ подраздѣленій, намъ необходима одна школа исторіи и одна школа филологіи — а еще лучше одна школа исторіи и филологіи — въ которой можно бы было изучить оба эти предмета, не обращая вниманія на искусственныя перегородки, только мѣшающія глубинѣ изученія. Я наврядъ ли дожусь подобной реформы университетскаго преподаванія; но я радъ, что среди перемѣнъ къ худшему есть надежда на перемѣну къ лучшему, которая можетъ засыпать роковую пропасть и проложить дорогу для радикальнаго преобразованія.

Я говорю только о тѣхъ предметахъ преподаванія, судить о которыхъ я считаю себя способнымъ. Что касается до всѣхъ остальныхъ предметовъ изученія, кромѣ исторіи и филологіи, то о нихъ я не смѣю высказывать своего мнѣнія, потому что оно не имѣло бы значенія. Университетъ долженъ воспринимать всякое настоящее знаніе и сдѣлать для всякой изъ отраслей науки все, что для нея наиболѣе пригодно. Но общее образованіе и умственная дисциплина, составляющія главную цѣль университетскаго образованія, не должны приноситься въ жертву цѣлямъ специализаціи. Цѣлью всякой научной дисциплины должно быть знаніе ради самаго знанія, знаніе, какъ умственная дисциплина. Навѣрное, не дѣло университета готовить студентовъ къ какой-либо профессіи; его дѣло учить ихъ тому, что нужно для всякой профессіи. При самой старой системѣ преподаванія нельзя было поступить на профессиональные факультеты: богословскій, юридическій или медицинскій, иначе какъ послѣ продолжительныхъ занятій на общемъ факультетѣ искусствъ (*faculty of arts*). Степень бакалавра искусствъ, даваемая послѣ экзаменовъ по юридическимъ или богословскимъ наукамъ, показалась бы тогда очевидною нецѣлостью. Какъ бы ни измѣнились въ наше время детали изученія, принципъ этой старой системы былъ во всякомъ случаѣ вѣрнымъ.

Я не буду въ настоящее время распространяться объ отношеніяхъ профессоровъ къ другимъ университетскимъ преподавателямъ. Въ этихъ общихъ лекціяхъ и при детальномъ изученіи текстовъ предъ немногочисленной аудиторіей, которую я хотѣлъ бы видѣть болѣе многочисленной, я старался показать, въ чемъ, по моему мнѣнію, состоитъ обязанность профессора. Другіе преподаватели должны исполнять то, что они считаютъ своей обязанностью. Я увѣренъ, что обученіе въ коллегіяхъ, по крайней мѣрѣ такое обученіе въ коллегіяхъ, какими она была сорокъ лѣтъ тому назадъ т. е. чтеніе о конструкціи текста избранныхъ книгъ—могло бы быть приведено въ извѣстную связь съ профессорскимъ преподаваніемъ. Въ мое время профессорскія лекціи были рѣдкостью — и это очень дурно. А теперь дурно то, что черезъ чуръ много преподаванія, причемъ преподаватель (туторъ) и профессоръ не имѣютъ никакихъ отношеній другъ къ другу. Въ той небольшой аудиторіи, съ которой я читаю Григорія и Павла, есть люди, получившіе разныя ученые степени; есть люди, которые немного моложе меня; есть, наконецъ, знаменитые ученые, на которыхъ относительно нѣкоторыхъ вопросахъ я могу смотрѣть, какъ на учителей; но среди этой аудиторіи всего меньше преподавателей исторіи. Я просто констатирую этотъ фактъ; объясните его, какъ вамъ будетъ угодно.

Надѣюсь, что за этими лекціями будутъ напечатаны лекціи о «Главныхъ періодахъ Европейской Исторіи». Лекціи, слѣдующія за этими послѣдними и тѣ, которыя я буду читать послѣ этихъ лекцій, я не намѣренъ издавать въ формѣ лекцій; но надѣюсь, что онѣ окажутся пригодными для изданія въ другой формѣ, вродѣ той, кокую я придалъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ статьѣ въ № 1 «English Historical Review».

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРОФЕССОРА
ИСТОРИИ.

—

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Объ обязанностяхъ профессора исторіи.

Приступая къ исполненію новыхъ обязанностей, порученныхъ мнѣ правительствомъ, я не могу не вспомнить, что здѣсь недавно еще замолкла рѣчь знаменитаго ученаго, котораго мнѣ пришлось замѣнить. Конечно, я могу радоваться, что его послѣднія слова были послѣдними только въ офиціальномъ смыслѣ этого слова. Нашъ руководитель ушелъ отъ насъ, но онъ не взялъ отъ насъ безвозвратно. Мы можемъ быть увѣрены, что онъ, призванный теперь къ исполненію другихъ, высшихъ обязанностей, не покинетъ своихъ прежнихъ трудовъ; мы можемъ быть увѣрены, что онъ время отъ времени будетъ помогать людямъ, работающимъ на томъ же поприщѣ, гдѣ работалъ и онъ. И я надѣюсь, что онъ съ особенной готовностью будетъ помогать человѣку, считающему для себя великой честью занять его мѣсто и притомъ замѣнявшему его—осмѣлюсь сказать это—съ его одобренія. Тѣмъ не менѣе, тотъ для всѣхъ насъ отрадный фактъ, что ученый, котораго я замѣнилъ на этой кафедрѣ, живъ и здоровъ, увеличиваетъ и безъ того значительныя трудности моихъ профессорскихъ обязанностей. Я подвергаюсь опасности быть постоянно сравниваемымъ съ ученымъ, сравненіе съ которымъ вообще не безопасно. Вамъ приходится выслушивать мою вступительную лекцію въ то время, когда изъ вашей памяти еще не изгладилась послѣдняя лекція епископа Честерскаго. Буду надѣяться, что я буду столь же счастливъ, какъ и онъ, и что когда я буду говорить передъ вами въ послѣдній разъ я разстанусь съ вами—не затѣмъ, чтобы перейти подобно ему къ другимъ обязанностямъ, а затѣмъ, что бы оставить всякія офиціальныя обязанности,—я буду въ состояніи прочитать такую же прекрасную лекцію, какую прочелъ мой предшественникъ. Буду надѣяться, что когда настанетъ время разстаться съ вами, я разстанусь съ такой же радостной увѣренностью, что я также, какъ и онъ, сдѣлалъ все, что могъ, и что вы—или тѣ слушатели, которые займутъ ваше мѣсто—будутъ продолжать мое дѣло,—какъ мы будемъ продолжать дѣло моего предшественника.

Но существуетъ, однако, одно важное отличіе между мной, говорящимъ теперь передъ вами и человѣкомъ, говорившимъ недавно съ этой кафедры, отличіе, особенно сильно выступающее передо мной теперь, когда мнѣ приходится заняться исторіей кафедры, которую я наслѣдовалъ отъ моего предшественника. Обыкновенно, младшій наслѣдуетъ старшему. Но по странной случайности мнѣ пришлось занять кафедру, занимаемую до меня людьми, еще находящимися въ живыхъ, моими друзьями, людьми, къ которымъ я чувствую глубочайшее уваженіе, но къ которымъ я не могу чувствовать той особой формы почтенія, съ какой мы обыкновенно смотримъ на старшихъ и официальныхъ учителей. Изъ двухъ моихъ предшественниковъ на этой кафедрѣ, послѣдній моложе меня на нѣсколько лѣтъ, а первый тоже немного моложе меня. Это обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ невыгодное для меня, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя выгодныя стороны. Я помню времена въ исторіи этой кафедры, болѣе далекія отъ насъ, чѣмъ время епископа Честерскаго, и не имѣю основанія сожалѣть объ этомъ. Только немногіе здѣсь могутъ вспоминать, какъ вспоминаю я, что они слушали лекціи Новой Исторіи сорокъ два года тому назадъ. Но тѣ, которые помнятъ такое отдаленное отъ насъ прошлое, навѣрное не забыли времени, когда они слушали лекціи Арнольда. Я могу говорить объ этомъ великомъ учителѣ нравственности и права, какъ человѣкъ, совершенно свободный отъ всякихъ мѣстныхъ, традиціонныхъ и личныхъ предразсудковъ. Я не былъ ни его ученикомъ, ни его послѣдователемъ. Я никогда не говорилъ съ нимъ, и слышалъ его только какъ профессора, говорившаго передъ переполненной аудиторіей. И тѣмъ не менѣе, я уважаю его память такъ, какъ не могу уважать кого либо другаго. Я научился у него даже большому, чѣмъ у моего уважаемаго предшественника. Отъ Арнольда я узналъ, что такое исторія и какъ ее слѣдуетъ изучать. Съ особеннымъ благоговѣніемъ я вспоминаю, что занимаемая мною кафедра—его кафедра, и я надѣюсь, что моя дѣятельность на этой кафедрѣ въ извѣстномъ отношеніи будетъ продолженіемъ той борьбы, которую онъ велъ. Отъ него я научился истинѣ, отстаиваніе которой при всякихъ внѣшнихъ условіяхъ сдѣлалось главной задачей всей моей жизни. Отъ Арнольда я узналъ истину, которая должна составлять центръ и жизненную силу всякаго изученія исторіи—истину объ единствѣ исторіи. Если я имѣю какую либо особую миссію на этой кафедрѣ, то именно миссію пропаганды этой истины, пропаганды не своей собственной идеи, а идеи моего великаго учителя. Большая отвѣтственность ложится на человѣка, когда онъ наслѣдуетъ, даже по прошествіи многихъ лѣтъ, ученому, обладавшему такими разнообразными дарованіями. Историческая наука много сдѣлала съ того времени и тѣмъ не менѣе, наши современники, ставъ на плечи Арнольда и получивъ такимъ образомъ